

Лихо развернувшись, бричка остановилась, и Беломир, весело улыбаясь, спросил, оглядываясь на своих седоков:

— И как вам телега?

— Да ты шутить изволишь, друже, — возмутился Григорий, легко выскальзывая из повозки. — То ж не кибитка, птица. Один конь тащил и словно не заметил.

— Да ещё и разворот такой, что на пятке обернуть можно, — поддержал его Векша, выбираясь из салона.

— Да уж, придумал ты чудо, — хмыкнул Лютый, с интересом подпрыгивая на сиденье. — И долго такую делать?

— Ну, сам кузов, как хозяин пожелает, а вот основу, тут только мастер скажет, — сделал Беломир реверанс в сторону кузнеца. — Хвала рукам его золотым.

— Благодарствуй, друже, — польщенно улыбнулся гигант. — Формы нужные имею, так что отлить потребное не особо долго будет. Тут главное, чтобы было из чего лить, — развёл он руками.

«Ты ещё ножкой шаркни от смущения», — иронично подумал парень, незаметно подмигивая приятелю.

С этой бричкой они провозились чуть больше месяца, буквально на коленке придумывая нужные технические решения. Беломиру то и дело хотелось грохнуть чем-нибудь об стену или вообще поджечь

сарай, в котором они работали, с четырёх углов. Всё упиралось в практически полное отсутствие хоть какой-то механизации и элементарного крепёжного материала. Если дерево, то его сажали на шкранты и клей, если железо, на заклёпки и иногда на кузнечную сварку. А всё остальное — на верёвочку и кожаные ремни.

В общем, чтобы затеять хоть что-то серьёзное, начинать приходилось от Адама. В смысле с нарезного инструмента и крепежа. Само собой, под инструмент приходилось придумывать и станки. Хоть какие-то. Начинали приятели с ножного привода, постепенно переводя всю свою механизацию на привод от водяного колеса. Благо кузня стояла на берегу не очень широкого, но быстрого ручья. Но самая большая беда заключалась в том, что весь металл тут был привозной.

В общем, ругани, мата и швыряния об стену всего, что под руку подвернётся, было столько, что Векша иной раз выскакивал из сарая с выпученными глазами и старался примерно полчаса держаться от помещения подальше. Остыв, Беломир возвращался к делу, не забывая попросить у кузнеца прощения за свой очередной срыв. Понимая, что злится парень не на него, Векша только отмахивался и просил в следующий раз не произносить подобных речей. Но спустя некоторое время всё повторялось.

Рано или поздно всё заканчивается, так что закончилась и эта эпопея. В итоге, поставив в оглобли трофейного мерина, захваченного у хазар, приятели и казаки-характерники отправились испытывать новинку в степь. Как оказалось, на ходу эта помесь фаэтона и брички получилась очень лёгкой и манёвренной, к тому же Беломир решил использовать хоть

для какой-то амортизации кожаные ремни. В общем, результат можно было назвать удовлетворительным.

Зато теперь, когда технология была отработана, настало время переделки трофейной кибитки, для поездок на торг. Тут всё должно было получиться ещё быстрее и проще. Ведь этот транспорт парень планировал использовать под груз. А значит, даже с рессорами можно будет не заморачиваться. Главное, это крепкая база, на которой будет собран уже сам кузов. Векша, зная его планы, все отливки для шасси и управления отливал сразу в двух экземплярах. В общем, было с чем работать.

— А куда тебе повозка такая, друже? — вдруг озадачился Елисей Лютый, приехавший в станицу за очередным набором приёмов рукопашного боя.

— Эту на торгу продам, а себе бричку сделаю, чтобы груз возить, — отмахнулся Беломир, попутно обдумывая систему зарядания казнозарядного оружия при проблеме неимения гремучей ртути.

— Ты никак решил в каретники податься, — поддел его Григорий Серко.

— Я, друже, на этой телеге свои задумки проверял, а теперь пришло время на ней малость серебра заработать, — усмехнулся в ответ парень, распрягая коня.

— И что тебе для новинки потребно? — заинтересовался Елисей.

— Придётся казаков просить бруса букового напилить, — вздохнул парень.

— Нашёл беду, — фыркнул Векша, оглаживая ладонью кожу сиденья. — Да тебе только сказать, сами напилят да на двор привезут. Твоей волей вся станица добрую доску имеет, из которой чего только уж ни сделано.

— И то верно, — поддержал его Григорий. — Надо будет, сам с тобой схожу.

— Благодарствуй, друже, — кивнул парень.

— Ты чего опять задумал, аспид? — вдруг подобрался Елисей. — Сказывай.

«Вот блин, они меня уже по роже читать научились», — фыркнул про себя Беломир и, кивнув, ответил:

— Я всё про тюфяк ручной думаю. Ствол мне Векша, дай ему род, уже отковал. Теперь надобно придумать, как его заряжать правильно.

— Ты ж там что-то про стакан латунный сказывал, — оживился кузнец, едва услышав про новинку.

— Сказывал, друже. Да только как сделать, чтобы фитиль прямо сразу порох в том стакане поджигал, не придумаю никак.

— Так дырочка малая там потребна, — развёл кузнец руками. — Всё одно без огня тут не обойтись, как ни крути. Зелье иначе не запалить будет.

— Верно сказал, — кивнул Григорий.

— Оно понятно, — отмахнулся Беломир, заводя мерина под навес. — Но там так сделать надобно, чтобы фитиль точно в дырочку попадал, да ещё и собой саму дырку закрывал. В общем, тут ещё крепко подумать надобно.

— А чего так мудрёно-то? — озадачился Григорий.

— Латунь, она бронзы мягче, и потому через десяток выстрелов стакан тот прогорать будет. Да и саму дырочку затыкать чем-то надобно, чтобы зелье не высыпалось. В общем, думать надобно ещё, — вздохнул Беломир, возвращаясь к друзьям.

— Дорогая штука получается, — помолчав, задумчиво проворчал Елисей, присаживаясь к столу под яблоней, где летом Беломир и его гости обычно проводили время.

Рядом стояла летняя кухня, на которую Векша уже успел поставить чайник для чая. Такие посиделки на подворье парня происходили регулярно. Благо новая жена кузнеца, Верея, и любовница самого Беломира, Любава, регулярно снабжали парня свежими сладкими пирогами, до которых все собравшиеся были большими охотниками. Вообще, со временем подворье парня начало превращаться во что-то вроде военного штаба станицы.

Тут они с Григорием принимали самые важные решения при регулярно возникающих проблемах со всякими противниками, тут же решалось, кого и чему учить, и тут же они с Векшей придумывали всякие механизмы, которые потом использовали в работе. В общем, эдакая помесь конструкторского бюро со штабом войск. Доходило до смешного. Станичники, регулярно уходившие в секреты и разъезды, приметив степняков, спешили с вестями к Григорию, но, если не заставали его дома, мчались к Беломиру.

И что самое удивительное, все решения, принятые парнем, казаки воспринимали наравне с теми, что принимал Серко. Словно так и должно было быть. Вообще, статус самого парня в местном обществе для самого Беломира оставался чем-то непонятным. С одной стороны, просто не самый плохой боец, а с другой — его знания оказались в местном обществе чем-то вроде откровения свыше.

Только позже, после долгих размышлений, Беломир понял, что всё то, что известно ему, в этом времени ещё только начинает собираться, фиксироваться и систематизироваться. Ведь все его знания это лучшее из того, что потомкам удалось сохранить и обкатать в самых разных стычках. Именно поэтому Елисей Лютый, казак-характерник, так старательно

учится у него приёмам рукопашного боя и метанию ножей. То же самое делал и его старый приятель Григорий Серко.

По большому счёту сейчас в этой самой станице эта не святая троица начала формировать то, что позже будет называться фронтовой разведкой, или, говоря казачьим языком, пластунскими ухватками. Так что учились друг у друга все трое старательно, не жалея сил и пота. Сам Беломир, смирившись с тем, что оказался в этих местах и в этом времени навсегда, с головой погрузился в работу, чтобы хоть как-то подтянуть местную индустрию и быт к привычному себе уровню.

Так, например, придуманная им пилорама стала для местных настоящим чудом. Ведь раскалывая бревно клиньями, они получали в лучшем случае две доски. Бани тут всегда топились по-чёрному, и угореть в такой мойне можно было запросто. Его же собственная баня была изначально белой, так что париться в ней было одно удовольствие. Чего говорить, если даже самые простые чайники уже имелись почти в каждом доме станицы. В общем, дело медленно, со скрипом и матом, но двигалось.

Друзья успели отдать должное искусству хозяек и выпить по кружке чая, когда во двор быстрым шагом вошёл выборный атаман станицы и, подойдя к столу, с улыбкой поздоровался:

— Мир дому сему.

— Благодарствуй, дядька, присядь к столу, не побрезгуй, — вежливо отозвался Беломир.

— Благодарствую, казаки. По делу я, — вздохнул казак, усаживаясь на лавку и с благодарным кивком принимая кружку чаю. — Что с торгом делать станем?

— А чего с ним делать? — не понял Елисей.

— Так по осени не просто торг, большой ярмарок будет, — напомнил казак, и все местные дружно схватились за головы.

* * *

Молот в очередной раз опустил на заготовку, и Векша одним плавным движением опустил почти готовый клинок в корытце с льняным маслом. Отставив кувалду, Беломир устало стёр со лба пот локтем и, задумчиво глядя на жарко шкворчащую заготовку, проворчал:

— Ну, даст род, не опозоримся.

— Ты чего, друже? — чутко отреагировал на его слова кузнец. — Не первый ведь клинок куём.

— Так-то да, да только беспокоюсь так, словно первый, — растерянно усмехнулся Беломир, сам не очень понимая, с чего вдруг так волнуется.

Вся беда заключалась в том, что этот почти булат он решил ковать на свой страх и риск. Ведь ничего кроме крепкой теории у него не было. Потому и решил парень использовать это оружия только самостоятельно. Уже после, испытав оружие в боях, Беломир понял, что у них получилось что-то очень даже толковое. Во всяком случае, живую плоть этот клинок рубил не хуже настоящего булата. И заточку держал так же. Ну, исходя из тех знаний, что у парня имелись. Вот и волновался он, готовясь вручить это странное оружие своим соратникам.

Дав клинку остыть, Векша вытащил заготовку и, положив её на наковальню, старательно отёр чистой тряпочкой. Ухватив заготовку за хвостовик под рукоять клещами, кузнец поднял клинок и, медленно поворачивая, внимательно осмотрел. Не найдя видимых изъянов, Векша щёлкнул по

клинку ногтем, старательно вслушиваясь в раздавшийся звон.

«Блин, прямо как настройщик у рояля», — усмехнулся про себя Беломир, наблюдая за его действиями.

Повторив свои действия ещё дважды, кузнец одобрительно кивнул и, повернувшись к парню, решительно заявил:

— Добре вышло, друже. Звенит, словно поёт. Добрая сталь вышла.

— Ну, дай-то род, — кивнул Беломир, направляясь к точилу.

Теперь клинок требовалось как следует обработать. Примерившись, Векша аккуратно приложил заготовку к камню, и кузня огласилась пронзительным скрежетом. Плавно выводя режущую кромку, кузнец старался не перегреть сталь, при этом стараясь не прерывать процесса. Так, проходя по камню раз за разом, Векша вчёрную вывел нужный угол и, перевернув клинок, начал всё сначала. К вечеру основные грани клинка были готовы.

Вернувшись домой, Беломир устало поздоровался с Елисеем и отправился в баню, приводить себя в порядок. Смыв пот и копоть, парень почувствовал, что готов быка съесть. Переодевшись в чистое, Беломир вышел во двор и, вскинув голову к вечернему небу, с удовольствием вдохнул чистейший воздух предгорий. К своему огромному удивлению, парень так и не сумел толком определиться с точным местом нахождения. Те места, которые он знал, с теми, в которых он оказался, не имели ничего общего.

Из всех самых приметных точек Беломир точно мог назвать только одно место. Бештау, или, в пере-

воде, Пять Пальцев. Странная гора, которая и вправду выглядела, словно пять человеческих пальцев великана, торчащих из земли. Все остальные известные ему приметные места ещё просто отсутствовали. Даже знаменитый провал в горе Машук. Если быть точным, то тут вообще ещё ничего не было. С полдюжины станиц и примерно столько же деревень. Из задумчивости его вывел голос казака.

— Снідать садись, коваль, — иронично усмехаясь, позвал Елисей.

— Зря смеёшься, друже, — улыбнулся парень в ответ. — Ещё несколько дней, и будем новый клинок испытывать.

— Неужто вышло? — обрадованно охнул казак.

— Вышло, друже, — кивнул парень, усаживаясь за стол. — Слава Векшиным рукам золотым. Мастер, иного слова не найти. Или, как горцы говорят, устоз.

— Ох, порадовал ты меня, брате, — улыбаясь и ероша роскошный чуб, выдохнул Елисей. — За такую саблю толковый вой что угодно отдаст.

— Знаю. Потому и не спешу много их делать, не приведи род, в чужие руки попадёт.

— Это верно, — коротко кивнул казак.

— Ты лучше расскажи, что это за ярмарок такой у вас тут? Праздник, что ли? — сменил парень тему.

— Можно и так сказать, — вздохнул Елисей, явно подбирая слова. — Ежели по-простому брать, то просто большой торг будет. На него из разных мест люд собираться станет. Тут тебе и печенеги, и половцы, и татары с хазарами, и горцы, и всякие князья с боярами. В общем, как те крестопоклонники говаривают, каждой твари по паре.

— Это с чего вдруг такая радость? — насторожился Беломир.

— Заведено так, — пожал казак плечами.

— Погоди. Ты сказал, печенеги с половцами. А они разве ещё есть? — озадачился парень, сопоставив кое-какие даты. Ну, те, которые помнил.

— В этих степях кого только не встретишь, — отмахнулся Елисей. — Даже ещё болгары где-то живут. За Доном вон, ещё племя баб есть, которые сами по себе живут, без мужиков.

— Не понял, это как?! — изумлению Беломира не было предела. — Погоди, это не те, которых греки амазонками называли?

— Они, — понимающе усмехнулся Лютый. — Мало их осталось. Почитай, всех вместе чуть более двух сотен. Но всё одно своим укладом живут. Упрямые, — хмыкнул казак, и Беломир не понял, то ли похвалил, а то ли обругал.

— А печенеги с булгарами? Эти как? — не унимался парень.

— Так же, — отмахнулся казак. — Роды слабые, того и гляди сгинут. Кочуют себе где-то по краю, от других подальше. Но то не долго. Не выживут.

— Думаешь, сомнут их? — уточнил парень.

— Скорее, сами к кому прижмутся. Слабому роду в степи не удержаться. Как свежей крови не стало, так почитай и роду конец. Сразу погибать станет.

— Это да, — понимающе кивнул Беломир.

Казак был абсолютно прав. Без притока свежей крови любое закрытое сообщество очень скоро начнёт вымирать. Как говорится, природу не обманешь. Но больше всего его поразил тот факт, что все эти племена всё ещё существуют. Пусть в малом количестве, пусть где-то на самом краю географии, но они ещё есть. Ведь, по сути, для него все эти кочевники были чем-то вроде ожившей легенды.

— Занятно, — протянул парень, накручивая на палец свой роскошный хвост. — Я только одного никак в толк не возьму. С чего вдруг на этот ярмарок вдруг ещё и князя с боярами поедут?

— Своим глазом посмотри, как много степных родов имеется, — усмехнулся Елисей. — На торг тот они все приедут.

— Это что ж тогда за столпотворение там будет?! — растерянно ахнул парень.

— Так они ж не всем родом пойдут, — отмахнулся Елисей. — От рода выборные приедут, да закупят чего нужно. Остальные в степи неподалёку ждать станут.

— Выходит, на том торгу и правила другие? — на всякий случай уточнил Беломир.

— Ты про оружный бой? — быстро уточнил казак.

— Ага.

— Верно. Правила там иные. На день пути от торга нападать нельзя. Дальше твоя воля. Да только там уж и родичи переймут.

— А на самом торгу?

— Там как принято. Хочешь драться, в круг ступай. На самом торгу с оружием ходи не возбранно, но обнажать его не смей. Любой спор в кругу решается.

— А ежели голыми руками? — на всякий случай уточнил парень.

— А вот тут сколь самому угодно, — неожиданно рассмеялся казак. — Да только такое редко случается. На торг не мальчишки сопливые съезжаются, чтобы друг дружке по рожам стучать.

— Уже легче, — буркнул Беломир в ответ, продолжая прикидывать, стоит ли вообще соваться на эту странную сходку или оставить всё на откуп Векше.

Но по всему выходило, что ехать было нужно. Им снова требовались металлы. К тому же его бу-

дет на торгу ждать купец. Их оптовый покупатель. А с таким дела лучше вести лично. Пусть даже их свёл Векша, но товар, который купец у них покупал, изготавливал сам Беломир. Понятно, что кузнец и не подумает его обмануть, но тут дело было совсем не в этом. Порой Беломиру приходили в голову идеи по изготовлению какой-то новинки именно там, на торгу. Так, к примеру, было с теми же зеркалами.

Понятно, что зеркала, которые делали они с мастером, таковыми только назывались. Полированное серебро, забранное в рамку из тонкой латуни. Но и такое в этом времени было почти чудом. Что поделать, если рецепта правильной обработки стекла парень просто не знал. Не интересовался прежде. Да и стекла тут ещё толком не делали. В общем, приходилось обходиться подручными материалами.

Убедившись, что ехать всё равно придётся, Беломир испустил мученический вздох и, качнув головой, проворчал:

— Ну, хоть на печенегов с булгарами посмотрю.

— Ты это к чему, друже? — насторожился Елисей.

— Да всё думаю, надо ли мне на такое сборище ехать. Там же соберутся все самые могучие, самые смелые и самые наглые, — иронично усмехнулся парень.

— Вон ты про что, — рассмеялся казак. — Забудь. Люд туда съезжается не для драки. Им торг нужнее.

— А чем торгуют-то?

— Да чем и всегда. Просто таким большим тот торг только раз в три лета бывает. Чаше степнякам не съехаться.

— А с чего он вообще начался? К чему?

— Так ведь люду всякое надобно, — развёл казак руками. — Тут ведь как. Мы завсегда хлебушком тор-

говали, кочевники мясом да шерстью, горцы кожами да всяким разным, что у них в ремесле имеется. Вот и получается, что товар тот всем нужным выходит. Сам-то чего повезёшь?

— Да как обычно. Украшения, что сам делал, да зеркала. Ножницы ещё, — пожал Беломир плечами, попутно обдумывая всё услышанное. — А князья тоже торгуют? — задал он следующий вопрос.

— А как же? — удивился Елисей. — Им серебро в казну не лишнее.

— И что привозят? — заинтересовался парень.

— Всякое, — пожал казак плечами. — Бывает, тоже хлебом торгуют, бывает и коней ведут.

— А доспех, оружие? — не унимался Беломир.

— Да кто ж такое продаст?! — возмутился Елисей. — Сам же баешь, что клинки свои не хочешь в чужие руки отдавать.

— Так то оружие, а я про доспех говорил, — напомнил парень.

— Всё одно не продают. Вся беда, что добрый доспех мало кто делать умеет, — вдохнул Елисей. — Да и железа на него доброго много надобно. А где его взять?

— Есть места, да только копи там придётся глубокие рыть, — вдохнул в ответ Беломир, припомнив такие индустриальные центры, как Донбасс и Урал.

— Тяжкое это дело, — скривился казак.

— Да уж, не простое, — вдохнул Беломир ему в тон.

— Так ты что ж решил, не ехать? — помолчав, уточнил казак.

— Да куда ж я денусь, — отмахнулся парень. — Поеду, конечно. Тут другое. И без того кровников куча, новых наживать не хочется.

— Оно понятно, да только без кровников в нашей жизни никуда, — усмехнулся Елисей в ответ.

— Хрен с ним. И не такое переживали, — вздохнул парень, махнув рукой.

— От то по-нашему, — рассмеялся Елисей.

— Погоди, а когда торг-то назначен? — озадачился вдруг Беломир.

— А вот через три седмицы и будет.

— Ага. Выходит, я ещё малость товару приготовить успею, — оживился парень.

— Никак казна пуста? — прямо спросил казак. — Ты только скажи, друже.

— Есть деньги, — качнул Беломир головой. — Я всё думаю, как бы железа всякого побольше закупить. А то иной раз едва от торга до торга хватает. А задумок всяких у меня много. Вот и ломаю голову, как вывернуться.

— Ага, вон ты с чего решил себе повозки особые делать, — сообразил казак. — Добре. Раз такое дело, я тебе под железо и своей казны добавлю. Чтобы разом много всего закупить мог.

— Не надо, — решительно отказался парень. — Мне ж отдавать надобно будет, а на моих задумках быстро не отдашь.

— Нашёл беду, — рассмеялся Елисей. — Да одна сабля булатная боле стоит, чем я тебе дать смогу. Забыл, брате, что оружие твоё мне ещё не раз живот сохранить может?

— О таком я и не думал, — растерялся Беломир. — Знаю, что вой ты добрый. Раз уж без булата столько лет прожил, то и дальше проживёшь.

— Так, да не так. У меня уж сколь раз было, что в руке клинок ломался, что и не перечеть, — скривился казак. — Потому и решил себе добрую саблю сладить.

— Будет тебе сабля, друже. Скоро, — решительно кивнул парень.

* * *

Караван не торопясь двигался уже знакомой дорогой, а казаки, хоть и ехали развалясь, со степного горизонта глаз не сводили. Знали, что клювом щёлкать тут чревато. Беломир, загрузив свою новую повозку товаром, ехал в бричке. Её он решил продать окончательно и бесповоротно. Ездить на таком выезде сам парень не собирался. Просто отрабатывал на ней свои задумки. И судя по реакции друзей и станичников, всё получилось.

Так что теперь, удобно усевшись на мягком облучке, парень задумчиво оглядывал степь, высматривая пылевые столбы. Это был первый признак, что по дороге кто-то движется. Ехавший следом Векша что-то тихо мурлыкал себе под нос, то и дело оглядываясь на свой груз. Подковы, топоры, всякий инструмент, гвозди, всё это весило немало, так что зеркала и ножницы положили в повозку Беломира.

Можно было обойтись и одной телегой, но приятели планировали закупить много металла. И кузнецу и Беломиру надоело экономить каждый гвоздь, чтобы воплотить в жизнь очередную свою задумку. А делать им было что. Сам Беломир и не думал отказываться от станков. Те, что они уже успели сделать, были слишком слабы. Парень умудрился кое-как объяснить Векше, что эти угрёбища только начало. Им требовалось сделать то, что хотя бы отдалённо походило на оборудование из прошлого парня.

Ехавший верхом Григорий поравнялся с повозкой парня и, прямо с седла перепрыгнув на облучок, весело спросил, усаживаясь рядом: